

Василий Иванович Немирович- Данченко

Удача Незамай-Козла

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть
#2)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Удача Незамай-Козла**

Дни шли за днями. А старая крепость всё ещё оставалась в кольце осады... Шамиль часто проезжал мимо, но всякий раз видел на стенах бодрые лица защитников Самурского укрепления... Откуда-то привезли горцам орудия, — и всего-то две пушчонки, — но имам так удачно расположил их на вершине одного из утёсов, что оттуда стал осыпать крепость ядрами... Днём он бросал их на кровли и площадь, ночью оставлял тот же прицел и тревожил гарнизон, не давая ему покоя. Несколько солдат было уже ранено... Наши злились, но ничего сделать не могли. Раз ядро взрыло землю перед Ниной. Девушка упала, и это спасло её. Ядро рикошетом перекинулось через неё, не задев... Брызгалов озабоченно хмурил брови... Скалу, где стояли эти орудия, он хорошо знал. Знали её и все в крепости. Амед тоже был знаком с тропинками к ней, не говоря уже о Левченко, который во время своих охот не раз ночевал на этом утёсе. Он и теперь отпросился как-то ночью и сходил туда... Утром вернулся усталый, а к вечеру вызвал Незамай-Козла.

— Ваше благородие! Коли бы попытаться

скинуть их...

— Кого? — удивился тот, пристально глядя в лицо Левченко и думая про себя: «Не пьян ли?..»

— А пушечки эти самые горные... Махонькие они... В Даргинскую экспедицию отбили их у наших... И народу у них мало там.

— А что думаешь, ведь, пожалуй, и в самом деле, а?

— Никто, как Бог. Чего ж не попробовать. Охотников надо вызвать... Возьмём с собою татарву эту.

— Какую?

— А Ахмедку с Мехтулином...

Незамай-Козёл тоже призадумался... Пошёл к Брызгалову. Тот хотел было отговорить их, — да в эту самую минуту ядро пробило кровлю лазарета и упало среди раненых, вызвав переполох между ними.

— Нет, так нельзя. Эти две жалкие пушечки за несколько батарей работают.

— Попытаться бы, а?

— Что ж, вы сами хотите?..

— А отчего ж бы? Ахмед пойдёт и Мехтулин тоже. Левченко возьмём да ещё человек

десять охотников.

— Да, разумеется... Ну, помоги, Боже! Завтра в ночь... Если тихо и хорошо будет.

Утром Незамай-Козёл причастился. Потом день провёл в приготовлениях.

— Ну, теперь и помирать легко. Бон-жур а Парис! [1] — простился он с Ниной и даже поцеловал ей руку, сам испугавшись немедленно галантерейности своего обращения и нелепой французской фразе.

Молодой елисейский бек нисколько не думал о том, что ждёт его ночью. Для него все эти вылазки и смелые подвиги были обычным делом. Он ребёнком умел угонять коней у немирных горцев и с кинжалом в руках защищался, когда на стада и табуны его отца нападали соседи. Амеда гораздо более занимало то, что ему должна была рассказать Нина про Иссу. Он всё это время ходил точно во сне. В душе юноши росло что-то странное, чего он никогда не испытывал. Вместе с Иссою он хотел общего счастья, «чтобы всем было хорошо»... Он только выделял пока из этого вселенского благополучия те роды, с которыми у него были «канлы». И хотя Нина уверя-

да его, что канлы — великий грех перед Исою, — Амед на это улыбался и повторял:

— Зато наш Магомет — великий пророк — сам мстил и велел мстить за кровь — кровью.

— Вы поймите, Амед, — ведь Иисус одним движением руки мог уничтожить мир, а Он терпел поношения, обиды, побои...

— Да, он был очень добр... А, может быть, он боялся, чтобы вместе со злыми не погибли и хорошие?..

— Но ведь он был всемогущ, он мог погубить только злых.

— Правда, правда. Исса был добрее Магомета... Только к нашему горскому адату Исса не подходит... Но он добрее, добрее... Ты знаешь, Он — Бог женщин и детей... Мы, мужчины, не можем следовать ему... Мы должны исполнять то, что велел Магомет...

И Амед успокоился на этом.

В страшное волнение он пришёл, когда Нина рассказывала ему о последних часах Спасителя мира. Униженный и измученный, Он стоял перед Пилатом... И тот же народ, который ещё накануне приветствовал Его «осанна!» теперь неистово кричал: «Распни,

распни Его!»... Он был один посреди звериного стада... И Амед, хватаясь за кинжал, тихо говорил:

— Ах, зачем меня не было там?! Зачем меня не было?!

— Что же бы вы могли сделать?.. Бог должен был пострадать за всё человечество...

— Что я бы мог сделать... Я бы врубился в эту орду... Я бы...

— Но вы один, — а их было много! — невольно любовалась его воодушевлением Нина.

— Что ж, что один! Разве об этом можно думать — один!.. Всё равно — если нельзя было его освободить, я бы мог умереть за него как мужчина...

Нина, сама того не заметив, схватила Амеда за руку и пожалала её.

Пустынная вершина Голгофы... три креста на ней... Посреди распят Тот, единый вздох Которого мог бы уничтожить все сущие миры и вселенные... И Он мучится как человек... И в последние мгновения, когда страдания Его не имеют предела, побледневшими от невыносимой боли устами Он оставляет челове-

ству вечный завет Свой: «Прости им, Господи, не ведают бо, что творят!» Елисуец сидел весь бледный. Он грозно смотрел вдаль разгоревшихся глазами, до половины вынутый кинжал так и застыл в его руке.

— И Он умер?.. Как разбойники около умер?..

— Умер... и в третий день воскрес.

— Воскрес?.. Это всё в книгах есть, что Он воскрес?

— Да, да, Амед — есть.

— Как хорошо! И воскрес, и показался людям?.. Его видели, — ты говоришь?.. И многие его видели?.. Долго?.. И днём видели, и ночью?

— Да, видели и его ученики, и другие.

— Видели живого? Он говорил с ними, с учениками, со всеми, кто в него веровал?

— Да, один между ними был недоверчивый... Христос показал ему раны Свои.

— Исса — великий пророк...

Воскресение Господне впечатлительную душу Амеда наполнило неописуемым восторгом. Он смотрел в синее-синее небо, и ему казалось, что среди светоносного облака он ви-

дите Иссу, такого кроткого, такого кроткого!.. Он, видимо, искал сравнения... «Как ягнёнок, когда его режут!..»

— Его недаром мы называем Агнцем...

— Ты хорошо говоришь... Ты очень хорошо говоришь... Я бы тебя всю жизнь слушал! — вырвалось у него, и сам он был не рад, заметив, как вдруг вспыхнула девушка.

Она, впрочем, тотчас же засмеялась.

— Я вам, Амед, принесла книгу, где всё это написано. Ведь вы учились в русской школе. Как же вы ничего не знали об этом?

— Нельзя было знать. К нам мулла ходил. И когда у русских был священник, у нас был мулла. Он нам читал Коран, учил нашим молитвам, рассказывал о Магомете... Он и про Иссу говорил, только мало. До Магомета три пророка было: Моисей, Исса... А третьего я забыл... Раньше Моисея ещё... У него нога была как от этой горы до той...

— Адам, верно! — улыбнулась Нина.

И они оба замолчали. Ни тому, ни другой не хотелось словом нарушить эту сладкую тишину. Розы благоухали, по ветру неслись паутинки... Где-то журчала вода... На небо набе-

жало светлое облачко, — попало под солнце, затлело по краям, загорелось бескровною жертвою... медленно-медленно, — и вот уже нет его, и та же лазурная бездна над Амедом. Елисуец думал в это время, высоко ли взлетел Исса... И почему до сих пор его учили, что Исса — один из пророков, а теперь он услышал, что Исса был Сын Божий... Сын Божий... Значит, он выше Магомета? И действительно, русские везде одолевают горцев... Русские молятся Иссе, горцы — Магомету. Следовательно, Исса сильнее. Был кроток, всех прощал, — а куда могущественнее пророка крови мести. Что значит это? Как понять?.. Голова его работала. Мысли мешались со страшной быстротой, а сердце жутко замирало от близости девушки, которую он, Амед, любил, за которую он бы рад умереть...

— Жаль, что я не родился русским...

— Почему жаль, Амед?..

— Тогда бы ты смотрела на меня как на брата! — неожиданно сам для себя закончил он. — У нас был бы один Бог и один Исса. Мы бы ходили в одну церковь...

— Вы и теперь можете ходить в нашу цер-

ковь. Она открыта для всех...

Он ничего не ответил, но мысль его работала в раз взятом направлении безостановочно.

— И Исса, распятый, победил весь мир? Отчего же он не победил — падишаха, что сидит в Стамбуле?

— Русские войска часто били турок...

— Нам ничего не говорили об этом мульты... Они, напротив, называют султана непобедимым.

Он проводил Нину до лазарета и сел под чинарой на крепостной площади... Издали слышался гул выстрела, ядро взрыло землю около него и, подскочив, упало у его ног, вертясь и подымая пыль... Амед презрительно ткнул его ногой и задумался... У него есть Георгий, скоро будет второй... Если бы ему сделаться офицером... Он бы тогда был равен ей... Хорошо, если бы его сам царь захотел увидеть... Отчего же, если он прославится на всю Россию... Он ещё молод... Он может сделать многое. Царь позовёт его к себе — посмотреть на него... Скажет: «Проси, чего хочешь!..» Он ответит ему сейчас же: «Мне ни-

чего не надо!.. У меня есть много всего — и коней, и домов, и денег... Дай мне только одну Нину. Пускай у неё будет Исса, а у меня — Магомет. Я стану любить её, и она будет счастлива». И царь скажет: «Возьми!» — и он приедет и возьмёт её. В Елисуе, посреди сада — он построит ей большой, белый дом, все стены уберёт шёлком, нарочно где-нибудь на дороге ограбит армянских купцов, — и потолок ему распишут персидские художники птицами, львами и цветами, стену спальни он отделает мовью, у персиян в Баку хорошая есть. По всем полам будут лежать ахалцихские ковры. Он сам выездит для неё Бэльсенэ, лучшего своего коня — за него наместник его отцу две тысячи серебряных рублей давал, но Курбан-Ага не взял их. Каждый день станет он колоть для Нины барана, большие подносы с конфетами будут стоять у неё в комнате... Хорошо будет. А что, если царь ему откажет? «Проси себе любую татарку, или лезгинку, или черкешенку, а Нины я не могу отдать тебе потому, что ты не русский». Что тогда?.. О, тогда проще всего. Он, Амед, — подберётся ночью и увезёт её... Увёз же его отец кабардин-

скую княжну. Отчего же ему не увезти русскую девушку? Он подобьёт молодых удальцов: Сефер-бея, Арсалана из Елисуя. Они, разумеется, помогут ему. Отказать в этом ни один молодой горец не посмеет, чтобы не навлечь на себя общего презрения. Ему никто не ответит: «Нет!» Напротив, все с радостью рискнут шеей... Он утащит её в горы, оттуда заберётся в такую глушь, где его никто-никто никогда не отыщет... Построит ей посреди дремучего леса саклю... Станет для неё охотиться... У него, ведь, пророк Магомет, а не Исса! Ну, его поймают... Будут судить, расстреляют. Что ж, — всё одно! Не боится он ни того, ни другого... И если там, — поднял он голову вверх, — Исса спросит, зачем он сделал это, он, Амед, ответит ему: «Отчего же Ты не устроил всё так, чтобы мы были счастливы?..» Но нет... Будущее ещё далеко. Все его любят. Сам Брызгалов называет его сыном. Зачем загадывать? И он тихо запел про себя елисуйскую песню:

*«Ты не думай утром, будет ли к полудню —
Буря иль ненастья, а в полудень
ясный*

*Не заботься, тучи омрачат ли
небо*

*К вечеру!.. А вечер лишь придёт
прекрасный,*

*Незачем о грозах помышлять,
что ночью*

*Поколеблют горы — ярими гро-
мами...*

*Пользуйся минутой... Смерть
нежданной гостьей*

К каждому приходит»...

— Это вы, Амед, поёте? — спросил его Кнаус издали.

— Я... — сконфузился юноша.

— Шли бы вы спать... Вечером, ведь, дело у вас.

Елисуец сообразил, что совет был хорош, и отправился в свою комнату. Тут он первым делом совершил намаз, причём вместе с пророком Магометом поминал и Исса, не знал только, как назвать его — Богом или тоже пророком, и, наконец, остановился на словах: «Ты, Исса, о Котором говорила мне Нина»... У горцев крепкие нервы. Несмотря на все потрясения этого дня и ожидавшую его ночью страшную опасность, он заснул быстро и

крепко. Так крепко, что, когда в девять часов вечера пришёл его разбудить Левченко, старому солдату удалось сделать это с величайшим трудом... Проснувшись, Амед долго оглядывался, не понимая, где он, и что с ним, и, только очнувшись совсем, понял, что его зовёт комендант поужинать...

— С голодным брюхом, кунак, — и дела не справишь! — пояснил ему Немврод Самурского укрепления.

— Разве есть надо каждый день? — улыбаясь, спросил Амед.

— Это только у вас, у гололобых, — проворчал Левченко, — напился воды и сыт. Русскому и на зубы надо чего-нибудь...

Амед оделся щёгольски. Сегодня он шёл на дело как на праздник... Ему почему-то казалось, что сделай он всё, чего ждут от него, — офицерские эполеты неизбежно заблестят на его не по летам широких плечах.

— Здравствуй, молодчинище! — ласково встретил его Брызгалов.

Незамай-Козёл был уже здесь. Он казался сегодня мрачным и серьёзным. Обычных шуток не было; даже на вопрос Степана Фёдоро-

вича, желавшего развеселить его: «А ну-ка, братец, расскажи, как ты танцевал мазурку у наместника в Тифлисе!» — Незамай-Козёл только повёл на него глазами и опять весь ушёл в какую-то думу.

— Ей-Богу, — недовольно проговорил Брызгалов, — не знай я вас за храброго офицера, — я бы подумал, что вы трусите...

— Нет... Не трушу, — тихо проговорил Незамай-Козёл, — а только зеркало моё... Знаете, что я выписал?..

— Ну?..

— Хай ему чёрт, — треснуло сегодня...

— Неужели вы верите?..

— А как же не верить, коли все говорят...

— Нашли о чём!.. — засмеялся Брызгалов.

— А впрочем, — вдруг улыбнулся Незамай-Козёл, — о чём мне тужить?.. Если и помру, слава Те, Господи! Никого у меня ни впереди, ни позади. И плакать некому, а помолиться за душу может вся крепость!..

— Все под Богом ходим! — ответил на это Брызгалов. — Значит, баста!

Старые друзья, молча, пожали руки друг другу... Только, уже прощаясь, Незамай-Козёл

вместо прежних вывертов, просто подошёл к Нине и попросил у неё:

— Матери я не помню, сестры не знаю... Перекрестите меня, Нина Степановна, и за мать, и за сестру!..

Та, едва сдерживая слёзы, благословила его...

— И меня тоже! — тихо и краснея, прошептал Амед...

— А вы верите? — ещё тише спросила его Нина.

— Не знаю... Только думаю, — это принесёт мне счастье...

Но горец сказался в нём. Когда Нина исполнила его желание, он выпрямился и с блистающими глазами восторженно проговорил ей:

— Ну, Нина Степановна, я вам сегодня такого коня у самого Шамиля украду!.. — и выбежал радостный и счастливый...

Незамай-Козёл зашёл к себе на одну минуту. Охотники выстроились за крепостными воротами. Это всё были старые кавказцы на подбор, некоторые помнили Ермолова и вместе с ним ходили в горы, другие — участвова-

ли в Даргинской экспедиции, третьи — в Чечне и Дагестане обстрелялись так, что свист пуль на них производил не более впечатления чем шум горного ветра в ущелье. Простые, бесхитростные лица. Незамай-Козёл знал их всех, и все его знали. Он и говорить с ними не говорил, — просто снял шапку и поклонился им, по старому кошевому обычаю, и коротко спросил только:

— Помолились?

— Точно так! — тихо ответили ему те...

Так же спокойно как всегда смотрят их лица, так же ровно дышат груди.

«Помолились... Славу Богу... Сподобил Господь!» — вздохнул про себя Левченко и прибавил:

— Теперь и помирать не страшно... За веру Христову!..

Мехтулин молодцом держался на фланге. Он как южанин был чужд северной простоты. Для тех — подвиг являлся службой, присягой, будничным делом... Татарин — плавал в каком-то восторге, и сегодняшняя ночь казалась ему вся в ореоле славы и блеска... Амед тоже улыбался. Его душа не знала страха, и он о

чём-то перешёптывался с Мехтулином, причём ближайшие солдаты слышали имя Шамиля, Хатхуа... Левченко подошёл уже на ходу к Незамай-Козлу.

— Ваше высокоблагородие!..

— Чего тебе?..

— Гололобым-то нашим прикажите не дурить...

— Каким гололобым?!

— А Мехтулину с Ахмедкой!

— Какие же они гололобые? — засмеялся Незамай-Козёл. — И тот, и другой с волосами...

— Всё одно — азия! А только они большую пакость Шамилю задумали сделать. Как бы нам не помешали!..

— Ну, ладно... Амед... Мехтулин... Подите-ка сюда!

Молодые люди подошли к офицеру. Он некоторое время стоял молча, не зная, как начать.

— Что вы там задумали?.. — спросил он у Амеда.

— Так, пустое дело одно... — уклончиво ответил он, не глядя на офицера.

— Пустое-то, пустое... А оно может помешать нашему важному!

— Нет! — засмеялся Мехтулин. — Не помешает... Мы обещали Нине Степановне Шамилева коня достать...

— Вот... — хотел бы сказать «дураки», да удержался Незамай-Козёл. — Что ж, у вас по десяти голов на плечах?..

— По одной... Только кажется десяти стоит! — гордо ответил Амед.

— Не сносить вам её, ребятушки!.. Там кончим дело, — дай вам Бог успеха... А только пока что — вы с нами... Шамилева коня!.. Шутка ли, что придумали!.. Да они вас в куски изорвут...

— Посмотрим! — и Мехтулин засмеялся, соображая, что, если ему удастся это дело, — завтра во всех горах, от Адыге до Белокани, заговорят о нём, и все горские девушки станут мечтать о таком богатыре.

— Знаешь что? — обернулся Мехтулин к Амеду.

— Ну?..

— Будем от этой ночи навсегда братьями...

— Я рад... Я всегда любил тебя... У тебя в

груди бьётся настоящее сердце...

У нас в таких случаях меняются крестами... Татарин с елисуйцем — обменялись кинжалами. Амеду нисколько не жалко было отдать свой, оправленный в золото и бирюзу, за простой в кожаных ножнах Мехтулина. Оба поднесли их к сердцу, устам и голове и горячо пожали руки друг другу. Теперь они не задумались бы умереть один за другого!.. Незамай-Козёл видел всё это и догадывался, в чём дело... «Хороший народ, — сообразил он. — Кабы им да настоящую дорогу — в большие чины произошли бы».

Наши миновали секреты...

«С Богом!» — слышалось им вслед оттуда. Солдаты, лежавшие на земле, крестили охотников. Собаки скоро почуяли своих и молча подбежали, ласкаясь и тыкаясь мокрыми носами в руки приятелям. Потом опять залегли в траву и, чутко сторожа окрестность, всматривались в темень безоблачной ночи...

«Так ли мы идём?» — призадумался было Незамай-Козёл, но в это самое время, точно желая указать ему путь, вспыхнул вдали на небольшой высоте сноп огня, послышался

глухой удар горного орудия, — и с визгом и трепетом чугунное ядро пролетело над головами маленького отряда... — «Ишь, отозвалось... Сюда-де»... — улыбнулся Незамай-Козёл. От тяжёлых предчувствий у него ничего не осталось. Перед лицом настоящей опасности он был уже и спокоен, и весел.

Амед и Мехтулин вышли далеко вперёд... Они должны были в случае чего подать сигнал тревоги. Но горцы стали за последнее время до странности беспечны. Возбуждение первых нападений давно улеглось. Вся эта масса горючего материала, собранного Шамилем перед крепостью, точно отсырела... Недавно отбитое Амедом стадо у дидойцев несколько не заставило отдельные отряды горных кланов быть осторожнее, у великого имама тоже был расчёт. Взамен ушедших обратно в горы андийцев он ждал малую кабарду и чеченцев из самых диких аулов... Табасарань тоже прислала ему аманатов в залог того, что она скоро явится на газават. До нового отчаянного нападения ему хотелось усыпить русских... Он беспокоил гарнизон ночью канонадою, но сам оставался неподвижен...

Наибы просили его разрешить отдельные нападения. Он позволял им накидываться в окрестных горах и ущельях на аулы мирных горцев и разорять их, но крепости не тревожил. Ещё будет время, соображал имам. У русских всё равно неоткуда взять сил... Никто не придёт им на помощь, и последний удар, который он нанесёт, должен быть, действительно, последним, роковым, уничтожающим. Ему хотелось сердца всех исполнить ужасом, и он решил никому из гарнизона не давать пощады. Когда крепость будет взята, — он повесит и расстреляет весь её гарнизон. Там есть две женщины, — он отдаст их не в плен, а в рабство. Священника сожжёт живьём вместе с комендантом. Пусть у русских долго помнят об этой расправе, а в горах власть и обаяние имама только вырастут после этого.

Благодаря такому решению Шамиля — усыпить пока защитников старого укрепления, — наш маленький отряд между своими стенами и первыми кланами не наткнулся ни на одну сторожевую партию горцев. Когда охотники подошли уже ближе, новый сног огня со скалы вспыхнул, точно чьи-то веки

поднялись и открыли на мгновение чудовищное пламенное око... Костры вдали у кабардинцев гасли. Лезгины сегодня их и не зажигали... Тихо-тихо шёл отряд... Так тихо, что двигавшимся впереди Мехтулину с Амедом трудно было слышать его движение по мягкой и сырой почве... Утёс, на котором стояли орудия имама, гребнем подымался почти отвесно над ближайшим холмом... Позади он пологим скатом сливался с ним... По этому скату нужно было подняться нашим... Татарин и елисуец дождались их...

— Пойти нам первым?.. — спросили они. — Один останется там — другой вернётся к вам и скажет, сколько их...

— Хорошо! — одобрил Незамай-Козёл. — Амед, ты там дождётся нас, а Мехтулин вернётся.

Отряд остановился. Неслышно горцы двинулись по козьей тропинке. Чем ближе к вершине холма, тем яснее доносился до них шум голосов оттуда... Пока слышалось немного. Мехтулин, слух которого как и у всех татар был чуток, — различил восемь голосов. «Кто бы это был? Если кабарда, — плохо дело»... Но

как нарочно один из артиллеристов Шамиля запел в это время унылую и протяжную песню... «Слава Аллаху, — это веденцы!..» — прошептал Амед.

— Отчего слава Аллаху? Веденцы — храбрые люди.

— Да, умирать и драться мастера... Зато сторожат плохо... Постой, — я пойду к ним, а ты возвращайся и веди отряд.

— Как — к ним?.. Они убьют тебя.

— Ты знаешь нашу горскую пословицу: «в кармане у одного елисуйца поместятся десять веденцев... А остальные сами придут за ними и влезут туда же»...

Мехтулин стал быстро спускаться, а Амед, уже не скрываясь, вполголоса запел чеченскую песню:

*«Ай, за быстрою Лабюю
Кони ржут!.. Скорей в седло —
Ночь близка... Вперёд, со мною,
Уздени, пока светло»...*

— Кто там? — слышалось сверху.

Амед, не отзываясь, продолжал петь:

«Там — богатые станицы, —

*Пропасть всякого добра...
Налетим на них как птицы,
Уздени!.. Пора, пора»...*

— Эй, кабарда! — насмешливо прозвучал сверху чей-то весёлый голос... — Ты бы вместо песни назвал своё имя!..

— Скоро узнаете! — ещё веселее ответил Амед...

*«Пусть мулла поёт молитву —
Пусть старик в мечеть идёт.
Шашки вон, смелее в битву, —
Ночь подходит, слава ждёт»...*

— Эй, свет очей моих, как хорошо поёшь ты... — пришли в восторг наверху.

— Смелым — привет, товарищам — благоволение, всем верным — милость Аллаха! — приветствовал их Амед.

Их было, действительно, восемь человек. Они сидели у потухшего уже костра. Под грудю золы то краснели, то золой покрывались угли, точно сонное око, то и дело смежающее утомлённые веки. Елисуец одним взглядом определил их. Всё молодцы на подбор. Вот гигант, широкоплечий, весь увешанный знака-

ми отличия... Елисуец часто видел его в свите Шамиля... Он поклонился ему особо...

— Наibu Аслану — почёт и слава... — и он отдельно подошёл к нему.

— Ты почём, юноша, знаешь меня? — удивился тот.

— У нас, в Хунзахе, поют песни о твоих подвигах... Что же ты думаешь, что у нас память коротка; мы не рабы, что забывают последнюю нагайку.

— Садись... Нечем угостить тебя... Сами с вечера ничего не ели...

— Сюда сейчас придут к вам на помощь — пешие лезгины... У них с собою будут лепёшки...

— Зачем лезгины?.. — удивился тот... — Зачем лезгины?.. Что, мы одни не можем справиться?..

— А я почему знаю? Угодно было имаму так. Разве можно у него спросить почему? Спроси у орла, зачем он сел на скалу, а не на дерево?

— А кто передал его приказ?

— Князь Хатхуа...

— Ну, тогда дело иное, — успокоился ста-

рый боец. — Что же у вас в Хунзахе поют про меня? (Ни один горец не мог оставаться равнодушным к этому). Скажи, если вспомнишь.

— Про Даргу... Как ты чуть не изрубил нынешнего наместника... Воронцова...

— И изрубил бы, — если бы не молодой офицер один. Ну, да и с ним мы скоро сведём счёты...

— Знаю и офицера этого... Теперь он уже немолод... Это комендант крепости, с которой до сих пор ничего мы сделать не можем...

— Храбрый человек... С таким и драться хорошо!.. — и Аслан задумался...

Амед заметил, что двое отделились и подошли к горному орудию... Остальные, кто привалился к огню, кто оставался сидеть, глядя, как угли всё больше и больше гасли, подёргиваясь серою золою как глаз умирающей птицы серой плёнкой. Елисуец, точно желая расспросить о чём-то Аслана, встал и перешёл к нему...

— Хорошо у вас, в Ведено... Гордый аул... на самой вершине горы сидит, как всадник в седле.

— Хунзах тоже хвалят! — вежливо ответил

польщённый веденец.

— Да, Хунзах — красив... Но...

И умолк... Сердце юноши сильно забилося. Внизу слышался шорох целой толпы народу. Очевидно, Незамай-Козёл шёл к месту, где сидели веденцы, — всё ближе и ближе... Амед вдруг расхохотался.

— Чему ты?

— Так, уж очень смешно ходят эти лезгинны, совсем как медведи... Издали их слышно... Тяжелы...

— А храбрые люди...

— В горах мудрено найти трусов... Ишь как ползут, точно их как ослов навьючили...

— Хунзахцы не любят лезгин...

— Да... — коротко ответил Амед. — Как их любить... Они и моются-то песком, а утираются сальными шальварами...

— Зато хунзахцы слишком много обращают внимания на одежду! — улыбался Аслан.

— Какие у тебя пистолеты! — наивно воскликнул Амед.

— Это подарок Шамиля! — гордо ответил наиб.

— Дай посмотреть. Должно быть, чекани-

ли серебро в Белокани, у нас так не умеют.

— Нет, это в Гаграх турецкие мастера; тут, по приказанию Имама, моё имя вырезано «за Ашуру и Гимры».

— Как же, я знаю... знаю... — Амед делает вид, что любит пистолетами, и слушает, слушает.

Казалось, вся жизнь его перешла в слух... «Наши уже близко... Вон голова Мехтулина вдали... Они впереди»...

— Это мой кунак! — предупреждает Амед наибо... — Славный боец во славу Аллаха... Молод и уже сделал кое-что...

— Да будет счастлив твой приход, сын мой! — приветствует его наиб.

Амед тихо показывает Мехтулину на своего соседа слева, угрюмого веденца, не пророчившего до сих пор ни одного слова. Тот садится около...

— Хороши пистолеты! Я ещё не видал таких, — и он, любуясь ими, взводит курки... Очень хороши, — у нас, в Хунзахе говорят: «две вещи должны быть верны у человека — сердце и пистолеты». А у вас, в Ведено, кажется, «конь и пистолет — друзья. Они редко об-

манывают»...

Аслан с удовольствием слушал юношу. Он стал даже поверять ему, что имам, взяв крепость с этими проклятыми гяурами, — передаст ему управление ею, и что здесь, в долине Самура будет передовой ведёт Чечни и Дагестана, что на окрестные вершины Шамиль перебросит всё, что у него есть наиболее смелого и храброго, — и тогда этот край будет потерян для русских...

— А что он решил сделать с защитниками крепости? — спросил Амед.

— Что делают с бродячими собаками, не знающими хозяина, когда они начинают кусаться... И их перевешают и перестреляют...

— Там есть девушка.

— А её отдадут в рабыни к Хатхуа. Молодой наиб заслужил такого подарка. Пусть она ему варит просо.

— Он сам просил её у Шамиля? — с сильно, до боли, бьющимся сердцем ждал Амед ответа Аслана.

— Да, сам. Он видел её на стенах... Их бы всех следовало сжечь живыми...

Вдруг вдали из-за выступа скалы блеснул

тускло штык, другой... Аслан широко раскрыл глаза, но он не успел ещё сообразить, в чём дело, как одновременно послышались два выстрела... Амед бросил один из пистолетов Мехтулину, и оба веденца — Аслан и сидевший рядом с татаринном — ткнулись лицами в горячую золу костра. Точно пламя, вспыхнуло «ура» — нескольких голосов... Защитники орудий, растерявшиеся, не успели ещё и вскочить, как большинство из них уже вздрагивало и билось под штыками старых солдат...

— Бей их! — хрипло звучал голос Незамай-Козла.

— Не уйдут! — весело отозвался Левченко. — Всем одно решение...

Трое веденцев сбилось к орудиям и, защищённые ими, навели дула ружей на нападающих... Очевидно, они решили дорого продать жизнь. Они ждали, не стреляя. Левченко недолго думал. Он снял шапку, перекрестился и кинулся туда... Другие за ним. Послышался чей-то крик, другой, третий... «Бей ещё!» — опять тем же резким и хриплым голосом крикнул Незамай-Козёл, но тут вдруг его точно палкою ударили в ногу... Другую — в пле-

чо. Он только и почувствовал в первую минуту... И опять было ринулся вперёд. Но ноги подкосились, и он тяжело рухнул... В ноге, в плече стало жечь... Он дотронулся до них рукою, сквозь его пальцы побежало что-то влажное, липкое, тёплое... «Вот оно зеркало-то!.. А Степан Фёдорович ещё смеялся»... И вдруг на минуту что-то заслонило ему тёмное, ночное небо. Точно между его глазами и этими выступами скал надвинулась серая, густая туча... Когда он очнулся, — слышался стук молотов... Левченко орал что-то... Незамай-Козёл собрал последние усилия и крикнул его... Старый солдат подбежал...

— Прощай, брат!.. Что, как?

— Ранили, ваше благородие?..

— Да!.. В плечо и в ногу... Вот оно... зеркало-то. Пушки что?

— Заклепали. Сейчас сбросим их... Вниз... Пуцай их... А что ранены — так унесём на руках... Снимем с гололобых (всех побили) чуху и на чухе...

И, не продолжая, Левченко подошёл к солдатам. Одну за другою пушки подкатили к обрыву скалы и скинули вниз. Послышался

треск ломавшихся лафетов, звон искалеченного орудия... Амед спокойно сунул себе за пояс пистолеты Аслана, снял с него дорогой кинжал и шашку... Левченко стащил с громадного веденца чуху, — Незамай-Козла подняли на руках и переложили на неё... Вдали слышались крики тревоги. Пора было спускаться вниз... Амед и Мехтулин выждали, пока сошёл последний солдат, и только тогда, не сходя общей тропой, а цепко, как кошки, пользуясь во тьме каждою щелью скалы, быстро и смело ползли по самому её отвесу... Внизу они опередили солдат...

— Как же теперь быть с лошадью Шамиля? — спросил елисуец у татарина.

— Посмотри!..

Кругом далеко-далеко, насколько хватало глаз, вспыхивали факелы. Очевидно, орда подымалась на тревогу. В темноте мелькали уже всадники, точно сослепу кружившиеся по долине... Куда-то проскакал конный отряд... Другой ему наперерез. Встретились, перебросились несколькими словами и рассыпались по побережьям Самура... Очевидно, в непроницаемом мраке лезгины и чеченцы

хотели нащупать врага... Несколько всадников пронеслось мимо Амеда и Мехтулина... Они остановились было перед скалою... проехали вдоль и, заметив обоих юношей, живо поскакали на утёс... Солдаты шли тихо... Амед догнал их и утрюмо следовал за ними... Ему досадно было, что сегодня он не исполнил своего намерения. Теперь, поди, Шамиль сам уже в седле и ждёт донесений от узденей... Вон какая-то лошадь без всадника несётся мимо... С невероятною ловкостью Амед вскинулся ей на спину и схватил сильными руками её шею... Лошадь остановилась, оглядываясь... Амед погнал её прямо на всадника, мчавшегося за нею, и сильным ударом рукоятки кинжала в лоб свалил его...

— Мехтулин! — крикнул он.

Татарин подбежал и сел... Оба они тотчас же подъехали к отряду.

— Где раненый офицер?

Его несли посредине.

— Левченко! Давай его сюда, мы его скорее довезём до крепости... А вам ещё отбиваться придётся...

Левченко огляделся. Тревога шла как круг

по воде — всё шире и шире... Кое-где даже вспыхивали выстрелы...

Незамай-Козёл почувствовал себя вдруг в чьих-то руках, сидящим на крупе лошади...

— Мехтулин! Я его повезу, а ты защищай... Нападать будут...

— Аллах Экбер!.. Если пророк захочет — он поможет нам. Он лучше знает, кто прав, и кто виноват...

— И Исса тоже... Бог, которому верит Нина, помоги нам, — тихо проговорил Амед и погнал коня по направлению к крепости...

В старое время Кавказской войны — рассказываемые здесь подвиги не составляли исключительного явления... Практика горных экспедиций и набегов создавала героев на каждом шагу, даже не героев, потому что, назови кто-нибудь героями Левченко и его товарищей, они первые изумились бы этому.

— Какие мы герои? — ответили бы они. — Мы просто Бога помним, — царю служим, а там уже не наше дело...

И в самом деле, прочтите воспоминания старых офицеров, — к сожалению, их так мало напечатано, — люди в то время много дра-

лись и мало писали. Да и печататься негде было!.. Послушайте рассказы о былях того эпического времени, и вас не удивит отступление горсти солдат, оцетинившихся штыками, от в нескольких сот наседавшего на них отовсюду неприятеля. Точно дикий кабан, выставив вперёд клыки, отходит в сплошные заросли сырого ущелья, — так и Левченко со своими медленно и спокойно подвигался по направлению к крепости... Кабардинские всадники скоро открыли наших. Огнем выстрелов они дали знать своим, что враг, наконец, найден, и отовсюду на эти выстрелы понеслись с дикими выкриками чеченцы, с бешеным рёвом потревоженных горных медведей — дидойцы, с тихой и сосредоточенною злобою — лезгины ближайших округов... Шамиль на первых порах ничего не понял, — ему показалось, что русские отвлекают его внимание горстью смелых охотников, а сами хотят где-нибудь прорваться сквозь железное кольцо, которым он обложил крепость отовсюду. Солдаты то и дело строили каре, отстреливаясь в упор, но Шамиль ещё не двигал на них пехоты. Он ждал, где именно русские,

куда они ударят. Эта ошибка пока спасала два десятка охотников.

— Отобьёмся! Не впервой! — ободрял своих Левченко, хотя они вовсе не нуждались в этом ободрении.

Старые кавказцы только хмурились, молча принимая на штык и коней, и всадников — кто попадался... Отойдя шагов пятьдесят-шестьдесят и видя, что кругом опять начинается дикий визг и гомон налетающей горской конницы, — они сбирались в каре, выжидали её на себя и, по команде Левченко «пли», били, прямо в самые лица джигитам. Один, встретивший их, отряд мюридов хотел было врубиться в каре, но штыки сделали своё дело, — и солдаты только дорубили трёх молодцов, перескочивших через их ряды в середину каре... Были раненые, — но не в ноги, и потому они шли молча, не выдавая своих страданий, чтобы не смутить товарищей... Полдороги уже прошли наши таким образом. Раз перед ними вырос точно из-под земли пеший отряд джарцев... Должно быть, случайно, бродя по Самурской долине, наткнулся на них. Наши не растерялись, и такое грозное

«ура» крикнули в самые лица врагов, с такою неистовою стремительностью кинулись на штыки, что те дрогнули и побежали прочь... А тут как раз кстати на помощь накинулись сторожевые собаки. Чего не мог доделать, кого не мог нащупать штык, на того бросались они остервенелой стаей. Скоро все дрались вместе — и собаки, и люди. Солдаты работали прикладами и штыками, собаки — зубами.

— Сам шайтан у них! — кричал какой-то наиб, которого они отбили.

К счастью, позади сообразили, в чём дело, и человек двадцать из секретов выбежало вперёд и присоединилось к каре, которое в эту как раз минуту отбивалось от Хатхуа с небольшим отрядом.

— Джансеид! Скажи своим, чтобы залегли кругом за конями... Эти будут как в ловушке! — предложил Хатхуа.

Тот живо кинулся назад. Салтинцы были недалеко, они вихрем налетели на русский отрядец... Засвистали особенным образом, понятным только их коням, которые по этому сигналу рухнули наземь. Салтинцы залегли за ними и, поставив дула ружей на головы ло-

шадей как на сошки, открыли убийственный огонь по нашему отряду.

— Ложись! — крикнул Левченко. — До людей, братцы, не дорвёшься, — бей по коням!

С противным щёлканьем и чмоканьем свинцовые пули стали, как говорили на Кавказе, «дырять шкуры» бедным животным. Те срывались с места и уносились прочь, — но кольцо, в которое попал отряд, не размыкалось. Попробовали было наши на «ура» кинуться, но, к несчастью, именно по пути к крепости засели Джансеид, Селим и сам Хатхуа с лучшими из джигитов.

— Нет! Тут все пропадём! — крикнул Левченко. — Ложись опять!

— Теперь никто как Бог! — ответил ему старый солдат.

Но что это? Левченко насторожился... И вдруг радостно перекрестился. Издали, из крепости послышалась тревожная дробь барабана.

— Сейчас, братцы, ракета будет. Возьми на изготовку! Как скажу «пли!», чтобы ни одна пуля даром не пропала.

И, действительно, точно желая узнать, где

наши, — Брызгалов скомандовал ракету. Огненная змея взвилась под небеса и выхватила на несколько мгновений из мрака всю долину реки Самур.

«Пли!..» — раздалось резко и смело, и разом сорок ружей выбросили огонь в не ожидавших этого горцев.

Ракета потухла, но барабан в крепости продолжал бить тревогу.

Теперь наши знают, что помощь близка... Они зарядили ружья, и на каждый огонёк выстрела от салтинцев отвечали несколькими выстрелами... Страшна и зловеща была кругом тьма этой ужасной ночи... Так страшна и зловеща, что у отряда, вышедшего на помощь своим из крепости, захолонуло сердце. Там казалось, что тут в долине Самура уже не осталось ни одного живого, что солдаты дойдутся только до трупов своих товарищей... Приближение их почуял Левченко. Шелохнулись и салтинцы... Хатхуа с несколькими человеками кинулся было на встречу им, но этим моментом воспользовались наши и сквозь разомкнувшееся кольцо — выскочили вон, а приближавшийся отряд принял всад-

ников прямо на беглый огонь, и те рассеялись веером по долине...

Через час — и Левченко со своими, и отряд, вышедший из крепости, вернулись.

Раненые были, — но мало... Незамай-Козла Мехтулин и Амед доставили в крепость.

Брызгалов, когда всё успокоилось, стал искать юношей, но их не было...

Обошли всю крепость, — нигде не оказалось ни татарина-юнкера, ни елисуйца.

— Никто их не видел?

— Нет... Где видеть...

Но, немного спустя, какой-то солдат вспомнил.

Когда возвращавшийся отряд входил в крепостные ворота, — из них выскочили точно угорелые оба «азиата» и унеслись куда-то.

— Ты знаешь, зачем они?.. — покачал головою Брызгалов, передавая дочери это сведение.

— Нет.

— Ведь они непременно уволокут лошадь у Шамяля... Или оба лягут... Этакие барантаци! Всякий горец, — самый лучший даже, — прирождённый разбойник.

Нина не ответила ни слова.

Она только пошла к себе, замкнулась и стала молиться за Амеда.

А он в это время, пользуясь сумятицей, царившей вокруг крепости, точно от погони нёсся между сплошными массами лезгин, чарохцев, дидойцев и кабардинцев, не отзываясь на вопросы и не отвечая на ругань сбитых им с ног пеших. Ветер свистал у него мимо ушей. Конь тяжело храпел, утомлённый этой бешеною скачкой... Наконец, вдали блеснули красные факелы...

— Здесь Шамиль! — весело обернулся он к Мехтулину.

— Да поможет нам Аллах!

— Аллах всегда за смелых... — «И Исса тоже»... — уже мысленно прибавил он от себя.

Факелы были близко-близко. Вон сухая и грозная фигура великого имама... Амед вынул было пистолет, но Мехтулин удержал его.

— Что ты хочешь делать? — с ужасом спросил его татарин.

— Убить врага!

— Но ты забыл, что Шамиль — имам всего ислама у нас.

Амед вздрогнул, провёл рукою по лбу и спрятал пистолет.

Он спешился и тихо стал ждать...

Факелы там погасли. Тьма окутала Шамиля, даже и не догадывавшегося, какой страшной опасности он только что избежал.

Утром, чуть только рассвело, — перед воротами крепости появились Амед и Мехтулин. В поводу у первого был великолепный арабский конь, весь белый, с чёрной отметиной на лбу. На этом коне краснел шитый золотом чепрак, и сверкало расписное, всё в серебре, бирюзе и сердоликах седло.

Нина только что вышла из дому, как Амед подвёл к ней коня.

— Что это? — отшатнулась она.

— Я обещал тебе...

— Но ведь вас могли убить...

— Всё равно, — я обещал тебе... А от исполнения обещаний избавляет только смерть...

Потом он не мог отказать себе в удовольствии. Выскочив на бастион, он дико заорал что-то проезжавшему далеко кабардинцу. Тот подъехал.

— Пожалуйста, не стреляй! — обратился Амед к солдатам. — Я с ним говорить хочу...

— Эй, джигит! Подъезжай смело!..

Елисуец дома, в горах, выучился кричать так, что его могли услышать за версту.

Тот осторожно двинулся вперёд.

— Ты знаешь князя Хатхуа?.. Наоба...

— Знаю... Он наш... И вы его знаете... Его шашка — хорошо поработала над вашими спинами...

— Ну, так передай ему, что сегодня ночью я — елисуец Амед, сын Курбана-Аги, его племянник — украл и привёз сюда в крепость лучшую любимую лошадь великого имама Шамяля.

— Да будет проклята душа твоя, подлый изменник!

— Я не изменил никому, — я дал клятву верности русским и служу им. Ступай и скажи-ка Хатхуа, пусть он гордится своим племянником!..

Примечания

1

Здравствуй, Париж — фр.

[^^^]